

Границы перевода (социосемиотический аспект семиотики перевода)

Пеэтер Торон

Исторически семиотика перевода является частью как переводоведения, так и семиотики. Особенности развития этой дисциплины отражают тесные взаимосвязи между переводоведением и семиотикой, прежде всего семиотикой культуры. Эти контакты между переводоведением и семиотикой не привели еще к возникновению нового интердисциплинарного синтеза. Скорее можно говорить о взаимоописаниях, о приближениях более на уровне метаязыка, чем в рамках общей методологии. Проблемы перевода осмысливаются в современной науке на стыке множества дисциплин, что свидетельствует о перемещении исследовательского интереса от отношений между двумя языками и текстами к вопросам социального и культурного функционирования переводческой деятельности. Сдвиги в интересе к проблемам перевода могут быть описаны в рамках мультидисциплинарности. В результате и семиотика перевода отражает в большей степени общие изменения в отношении к переводческой деятельности, являясь в меньшей степени единой дисциплиной.

Попыткой приближения к созданию дисциплинарного единства можно считать поиски Дж.Холмса, который еще в 1978 году писал о необходимости выделения в рамках переводоведения четырех комплементарных теорий перевода. Теория процесса перевода (*theory of translation process*) призвана осмысливать все то, что происходит в ситуации, когда человеку вздумается что-то перевести. Теория переводного текста (*theory of translation product*) необходима для фиксации специфики перевода как особого рода текста. Для понимания поведения перевода в принимающей культуре нужна теория функций перевода (*theory of translation function*). Наряду с указанными описательными и

ненормативными теориями должна существовать и теория дидактики перевода (theory of translation *didactics*) как нормативная теория (Holmes 1988: 95).

По сути Дж. Холмс сформулировал программу междисциплинарного переводоведения, реализуемую в настоящее время в разной степени в разных теориях перевода. Дж. Холмс предвидел это, назвав уравновешенное переводоведение дисциплинарной утопией (Holmes 1988: 109).

В рамках переводоведения приближаются к семиотике некоторые тенденции, связывающие переводческую деятельность с исследованием культуры (cultural studies) и даже помещающие переводоведение в контекст изучения культурных контактов под названием интеркультурных исследований (intercultural studies). С данной перспективы и этапы развития современного переводоведения приобретают особые признаки. Во-первых, выделяется влияние теории полисистем, различаются разные дискурсы перевода и сама переводческая деятельность связывается с поисками для перевода места в иерархии дискурсов принимающей культуры. Во-вторых, это зависимость переводчика и текста от конкретной ситуации и типа манипулирования текстами. Третьим признаком является плюрализм как в осмыслении подлинника, так и в поисках метода перевода. Это результат влияния постструктурализма (Bassnett 1993: 145–148). Характерно, что исследователи, прибегающие к сопоставительным анализам, склонны связывать конкретные языковые и литературные явления с культурным фоном и видеть в филологии дисциплину, изучающую культуру посредством изучения языка и литературы (ср.: “...I think philology as the discipline which studies a culture in and through its language and literature, or languages and literatures...”: Frank 1995: 211).

Оставаясь на позиции переводоведа можно на фоне указанных аспектов различать две возможности дисциплинарного самоописания: 1) плюралистская точка зрения, вытекающая из признания метаязыковой и теоретической пестроты как результата появления новых концепций; 2) историческая точка зрения, исходящая из проекции новых концепций на преемственные линии развития традиционного переводоведения и попытки их синтеза. Вторая точка зрения требует методологической подготовленности для сопоставления старого и нового, первая же приводит к признанию отсутствия концептуальной связности (the conceptual incohe-

rence of translation studies: Delabastita 1991: 138; ср и: Snell-Hornby 1988) в развитии переводоведения.

Решение вопроса о **границах перевода** зависит от отношения в переводоведении к проблемам переводимости. Это касается как параметров переводимости, так и дискуссий вокруг понятий неопределенности перевода и радикального перевода (см. подробнее: Торп 1995: 57–82).

Таким образом, **исходным является вопрос о границе между переводом и непереводом**. Так как ответ может привести к определениям типа *перевод* — это все называемое переводом, то понятие границы необходимо уточнить. В результате можно выделить еще две границы: **границу между переводом и подлинником** и **границу между переводом и принимающей культурой**. Если граница между переводом и подлинником является традиционным объектом исследования и лежит в основе различения разных типов перевода как разных реализаций процесса перевода или переводческого поведения, то граница между переводом и принимающей культурой актуализировалась в переводоведении в связи с целью перевода (ср.: “Die Dominante aller Translation ist deren Zweck”: Reiss, Vermeer: 1991: 96). Характерно, что уравновешенные концепции, стремящиеся к достижению внутреннего дисциплинарного единства, добиваются методологического приближения этих границ. Например, в методологии переводоведческого анализа подлинника может занять важное место телеологический аспект, по которому результатом процесса перевода является функциональный текст, связь которого с подлинником устанавливается в зависимости от цели перевода: “... translation is the production of a functional target text maintaining a relationship with a given source text that is specified according to the translation skopos” (Nord 1991: 232). Таким образом, рассматриваемые границы могут быть проведены внутри текста и источниковость переводного текста касается как подлинника, так и его возможного восприятия в новой культурной среде. То есть, перевод сам постулирует особенности своих границ и тем самым постулирует и особенности переводческого поведения: “What the target-oriented approach to translation is geared to, in fact, is the retrospective study of the production of translated texts, not their reception and consumption. To be more precise: it purports to contextualize translation and present it as conditioned type of behaviour in culture...” (Toury 1993: 17–18).

Границы переводного текста могут быть **обрамляющими**, когда мы понимаем под переводом не просто текст, а изданный текст. Книжное или журнальное существование перевода материализует дополнительные признаки границ при помощи добавляемых метатекстов: предисловия переводчика, статьи об авторе подлинника и тексте, рецептивные руководства в виде глоссариев, пресуппозиционных или интерпретирующих комментариев и т.п. Наибольшей экспликацией границ можно считать именно книгу, допускающую максимальное количество дополнительных признаков границ перевода. Можно сказать, что обрамляющие границы являются прежде всего внетекстовыми.

Границы переводного текста могут быть и **знаковыми**, расположенными внутри текста. Применение семиотики в переводоведении привело к осознанию семиотики границ на уровне отдельных элементов (знаков) текста. Это может быть выделение семиотической релевантности факторов построения текста (Wilss 1980: 16–17). Это может быть поиском конкретных пограничных знаков: “The study of translational paratexts is the study of signs that not only signal translational status but also represent the distance of a non-translational text, retrospectively called the source or original” (Pym 1992: 185; ср. и: Nord 1995). В крайней форме это может превратиться в рассмотрение перевода как знаковой ситуации: “In translation the relation between the source language text (A) and its receptor translation text (B) stands as the semiotic relation of sign (S) to object (O), or of signifier to signified. In brief, source to translation is as sign to object” (Barnstone 1994: 91). В любом случае мы можем сказать, что посредством контактов с подлинником и принимающей культурой перевод строит свою онтологию и любопытно, что это традиционное понимание подтверждается и логикой деконструктивистского подхода к переводному тексту: “...the target text belongs neither to its source nor to its target linguistic systems. It exists in a realm that is in-between the two possibilities; it is incorporation only (*in + corpore*: “in the body”) — not rebirth” (Dass 1993: 2).

Выходя из рамок переводоведения и становясь на позицию семиотика культуры проблема границы приобретает новые черты. Переводоведческое понимание границ перевода как понимание онтологии переводного текста дополняется понятием текста культуры. Например, если границы переводной книги обрамляют текст перевода и подчеркивают его внутреннее

единство, то выделяемые семиотикой культуры границы перевода лишь частично совпадают с границами, выделяемыми в переводоведении. Перевод на язык, перевод в книгу (текст) и перевод в культуру суть разные ипостаси переводческой деятельности. Культурная источниковость любого текста допускает два принципиальных подхода. Литературный текст, например, входит в традицию отечественной или региональной литературы, являясь **диахроническим текстом истории литературы**. В то же время он является **синхроническим текстом культурной системы**. Между литературным и культурным существуют интертекстуальные связи (White 1989: 301, 294).

Культура сама становится текстом, сопоставимым с конкретным текстом перевода. Если литературный аспект устанавливает эстетическую дистанцию с текстом, то культурный аспект лежит в основе идентификации текста (Assmann 1995: 241, 242). Культурный аспект идентификации текста допускает двоякий подход. Во-первых, функционирующие в культуре тексты взаимосвязываются и формируют **репертуар культуры**, динамизируемый каждым новым текстом (ср.: Even-Zohar 1997: 355–363). Оказываясь в новом текстовом окружении, где существует определенная привычка (хабитус) чтения-потребления текстов, меняется и рецепция элементов текста — они становятся элементами репертуара: “In translation, textemes tend to be converted into repertoremes, where a TEXTEME is any sign, irrespective of its rank and scope, which is subordinated to **textual relations** and hence carries **textual functions**, and a REPERTOREME — any sign (again, regardless of rank and scope) which forms part of an **institutionalized repertoire**” (Toury 1991: 187). Неизбежность становления репертуаром всех новых текстов отражается в переводоведении в отказе от старомодного понятия адекватности перевода и в его замене понятиями применимости (applicability) и акцептируемости (acceptability). Эти понятия признаны даже ключевыми для переводоведения (см.: Doherty 1997: 2). Тем самым стираются границы между своим и чужим, подлинником и переводом, причем переводность становится признаком очень разных текстов. Это заставило Г. Тури ввести в обиход понятие подразумеваемого перевода (assumed translation) для уточнения границы между переводами и непереводами (Toury 1995: 31–35). Когда культура стирает границы, переводчик должен их охранять. Ответственность переводчика связывается в такой ситуации не только с

качеством перевода, но и с умением сохранять автономность текстов (ср.: Lane-Mercier 1997: 43–68).

Во-вторых, текст может идентифицироваться при помощи проекции на некоторый представимый образец, **текст культуры** в конкретном проявлении. Например, петербургский текст русской культуры является кодовым текстом, инвариантным для множества конкретных литературных текстов. Такой инвариантный свертхтекст выражает как связь с городом (экстенсивный аспект), так и связь каждого текста, входящего в петербургский текст, с общим корпусом всех текстов, составляющих петербургский текст (интенсивный аспект; см подробнее: Топоров 1995: 275, 280). Петербургский текст превращается в “устройство, с помощью которого и совершается переход а *realibus ad realiora*, пресуществление материальной реальности в духовные ценности” (Топоров 1995: 259), что, в свою очередь, позволяет сказать, что текст “обучает читателя правилам выхода за свои собственные пределы” (Топоров 1995: 259).

Проекция конкретного текста на текст культуры как средство его идентификации напоминает некоторые поиски в переводоведении, в которых инвариантность смысла трактовалась “не как абсолютная категория, а как инвариантность по отношению к построенному **языку-посреднику**” (Ревзин, Розенцвейг 1964: 68). Существование условных языков или текстов в функции посредника приводит нас к вопросу о понимании семиозиса с точки зрения осознания границ перевода.

Рассмотрение проблемы семиозиса с позиции проблем перевода лежит в основе формирования семиотики перевода как самостоятельной дисциплины. В одном из направлений семиотики перевода, опирающемся на пирсовскую семиотику введен термин семиоперевод (*semiotranslation*), понимаемый как переводческий семиозис — перевод протекает в условиях договорного семиозиса (*contractual semiosis*: Gorfée 1993: 212 и сл.). Процесс перевода по этому подходу принципиально комплементарен: “In translation real exchange “degenerates” into complementarity” (Gorfée 1993: 213). В результате устанавливается для понимания текста перевода договорный семиозис, не допускающий статического описания: “Nothing is fixed in sign translation: the translating text-sign, the translated text-sign, the (non)linguistic codes, the translator, the translational and general-cultural norms, all

are subject to continual interaction and change, even to a minute degree” (Gorlée 1993: 223).

В рамках семиотики культуры существует попытка различения семиозисов разных рангов: с одной стороны, сопоставляются семиозис культуры и семиозис в культуре, изучаемые семиотикой культуры и этнологией семиозиса (коррелирующей с культурными фактами семиозиса). По этой логике и лингвистика становится частью этнологии семиозиса (Kelkar 1984: 132–133). И для лингвиста конструирование культурного значения является сопоставлением разных семиотических систем: “Any construct of cultural meanings — that is, any social context — is realized in the form of acts of meaning in the various semiotic modes of which language is one” (Halliday 1984: 9).

Социальный параметр описания семиозиса (семиозисов) вытекает из концепции М. Бахтина: “Жизнь стремится забиться вовнутрь себя, уйти в свою внутреннюю бесконечность, *боится границ*, стремится их разложить, ибо не верит в существенность и доброту извне формирующей силы; неприятие точки зрения извне. При этом, конечно, *культура границ* — необходимое условие уверенного и глубокого стиля — становится невозможной; с границами-то жизни именно и нечего делать, все творческие энергии уходят с границ, оставляя их на произвол судьбы. Эстетическая культура есть культура границ и потому предполагает теплую атмосферу глубокого доверия, обнимающую жизнь. Уверенное и обоснованное создание и обработка *границ*, внешних и *внутренних*, человека и его мира предполагают прочность и обеспеченность позиции вне его...” (Бахтин 1994: 251). В указанном М. Бахтиным соотношении внешнего и внутреннего существует универсальный семиотический дуализм: “Возможно двойное сочетание мира с человеком: изнутри его — как его *кругозор*, и извне — как его *окружение*” (Бахтин 1994: 165). О таком же кругозоре и окружении можно говорить и в связи с переводным текстом. На этой границе кругозора и окружения стыкуются основные концепции переводческой деятельности, описанные М. Бахтиным *ante factum*.

Понятие неограниченного семиозиса (unlimited semiosis) Ч. С. Пирса также допускает соответствующую интерпретацию: “The process of unlimited semiosis postulated by Peirce suggests that our linguistic competence is best explained within the format of an encyclopedia rather than dictionary” (Eco, Nergaard 1998). Понятно,

что и словарь содержит элемент энциклопедии, как понятно и то, что энциклопедия не покрывает всех особенностей словаря. В культуре чтение текстов конвенционализируется и любой новый текст в каком-то смысле уже прочитан до появления самого текста. И в этом смысле любое чтение или восприятие любых артефактов протекает в интертекстуальном пространстве. Можно говорить и об интертекстуальном семиозисе. *“Intertextual semiosis constitutes itself in the interaction between text and reader, depending on a (given or assumed) “intertextual disposition” of texts and on aspects of intertextually oriented text processing”* (Holthuis 1994: 77). Интертекстуальное знание (intertextual knowledge) является и аспектом лингвистического и энциклопедического знания (Holthuis 1994: 84) и их отношения зависят от цели интерпретации. О трудности достижения оптимального восприятия пишет и У. Эко: *“Thus every act of reading is a difficult transaction between the competence of the reader (the reader’s world knowledge) and the kind of competence that a given text postulates in order to be read in an economic way”* (Eco 1992: 68).

Культурное пространство всегда интертекстуально и различение первичных, вторичных, третичных и т.п. текстов затруднено. Одни тексты потребляются через другие, чистых текстов практически не существует, т.е. вокруг любого текста имеется контактная зона с другими текстами, усложняющая определение границ текста. Проблема не только в том, что усложняется осмысление порождения текстов, но и в том, что они то теряют старые, то приобретают новые свойства (ср.: *“Culture therefore invariably invites comparison and juxtaposition; it is not only the place where meanings are born, but the space in which they are being exchanged, “transmitted” and seek to be translated from one cultural language into another”* Toporov 1992: 30).

С точки зрения переводческой деятельности и ее теоретического осмысления имеет большое значение установление границ онтологии и интерпретации текстов. Читатель свободен в чтении. Хотя переводчик тоже читатель, он лишен свободы, так как должен установить степень переводимости (свое отношение к языку, дискурсу, тексту, интертекстуальному пространству) в соответствии с целью перевода и выработать стратегию перевода. Экспликация границ облегчает как работу переводчика, так и восприятие читателя.

Семиосферическая граница. В концепции семиосферы Ю. М. Лотмана понятие перевода применяется в широком смысле слова. Исходным является признание, что языки культуры могут существовать и развиваться лишь во взаимных контактах: “Таким образом, любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом — единицей семиозиса — следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как *семиосферу*” (Лотман 1996: 165). Семиосфера и семиозис соотносятся по этой логике как семиозис культуры и семиозис в культуре. Таким же образом можно говорить о границе семиосферы и о границах внутри семиосферы: “Поскольку все уровни семиосферы — от личности человека или отдельного текста до глобальных семиотических единств — представляют как бы вложенные в друг друга семиосферы, каждая из них является одновременно и участником диалога (частью семиосферы), и пространством диалога (целым семиосферы)...” (Лотман 1992: 24).

Граница играет в семиосфере важнейшую роль, являясь билингвильным механизмом, переводящим внешние сообщения на внутренний язык семиосферы, отделяющим свое от чужого, превращающим внешние не-сообщения в сообщения (Лотман 1992: 14). По сути осознание границы позволяет понимать особенности семиотизации или возможности “перевода текстов чужой семиотики на язык “нашей”” (Лотман 1996: 183).

Семиосферическая граница как система переплетающихся границ может быть описана при помощи понятия интерсемиозиса. Современная культура автономизирует более отдельные знаки чем знаковые системы, но как для узнавания знаков, так и для их понимания необходима возможность их проекции на разные системы. Для переводческой деятельности это означает различение языковых, текстовых и культурных кодов и выработку приемов их передачи (ср., например: Delabastita 1993: 33–39). Методологически важен переход от уровня знаков на уровень знаковых систем, даже когда разные знаковые системы имеют и некоторый общий корпус знаков. Таким образом, семиосферическая граница является переводящим механизмом, причем

перевод конкретных знаков превращает текст в систему условных семиозисов или интерсемиозиса.

Топологическая граница является не просто механизмом перевода, но и сохранения инвариантных свойств текста. С одной стороны, сюда входят экранизации, инсценировки, иллюстрации литературного текста, которые в процессе интерсемиотического перевода или трансмутации или меняют знаковую систему, или оказываются переданными при помощи нескольких разных знаковых систем. Любой перевод является трансформацией текста и с точки зрения культурной коммуникации интересно следить за миграцией в культуре разных трансформаций одного текста как его разных ипостасей. С другой стороны, и в интертекстуальном пространстве существует возможность целостных реконструкций. В. Н. Топоров, например, считает, что “главная задача “интертекстологии” состоит в выяснении типологии знаков, реализующих разные виды подобия, и функций “подобного” в текстах художественной литературы” (Топоров 1993: 20).

Обрамляющая граница устанавливает внутреннюю целостность текста при помощи выделения доминанты. Обрамление является условным и вытекает из желания установить конкретную источниковость текста и его целостность по одному или нескольким параметрам (национальные, субкультурные, политические, географические и т.п. знаки). Отдельно необходимо сказать о текстовых знаках. Это могут быть знаки начала (заглавие, эпиграф, посвящение) или конца (оглавление, указатели, библиография); это может быть обрамление текста метатекстами (введение, послесловие, комментарий, глоссарий и т.п.) в книге или журнале.

Линейная граница является разделительной границей и актуализирует оппозиции, лежащие в основе различения языковых, ментальных, социальных, идеологических и т.п. миров в тексте. Переводческая деятельность как более рациональная по сравнению с писательской работой неизбежно наталкивается на необходимость реконструкции или экспликации границ текста и от результата этой деятельности зависит возможный мир перевода. Границы перевода внутри границ культуры позволяют видеть в тексте иерархию границ, лежащую в основе интерпретации как отдельных знаков, так и знаковых систем.

На понимание системы границ перевода опирается определение разных аспектов семиотики перевода. Не вдаваясь в подроб-

ности в данной статье, укажем лишь основные аспекты семиотики перевода: 1) **семиотика перевода как перевод семиотики** (языка, культуры, текста); 2) **комплементарная семиотика перевода**, изучающая совокупность текстов метакоммуникации и тотального перевода (текстовый, метатекстовый, интекстовый, интертекстовый, экстратекстовый перевод); 3) **социальная семиотика перевода**, включающая проблемы постколониального перевода и семиоперевода, а также постмодернистских подходов к переводу (социальная и дискурсивная практика, хабитус, грамотность и т.д.); 4) **процессуальная семиотика перевода** как семиотическое описание разных актуализаций процесса перевода и создание модели процесса перевода для единого описания разных типов перевода; 5) **радикальная семиотика перевода** как предоставление семиотических средств для описания интерсемиотического перевода.

Семиотика перевода во многом примыкает к семиотике культуры. Но в то же время ситуация интерсемиозиса и интертекстуальности приводят нас к необходимости учитывать не только семиотическую разнородность текстов. Смещение текстов и знаковых систем как смещение границ приводит нас к острым социальным проблемам адаптации человека с обществом, подчиненности человека инкультурации, аккультурации и мультикультурализма в системе образования и средств массовой коммуникации, а также к проблемам интермедиальности (изменений в соотношениях вербального, визуального, аудитивного). В итоге можно сказать, что семиотика перевода должна быть и социо-семиотикой перевода.

Литература

- Бахтин, Михаил М. (1994). Автор и герой в эстетической деятельности. In: М. М. Бахтин. Работы 20-х годов. Киев: Next, 69–255.
- Лотман, Юрий М. (1992). О семиосфере. In: Ю. М. Лотман. Избранные статьи. Том I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 11–24.
- Лотман, Юрий М. (1996). Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. Москва: Языки русской культуры.
- Ревзин, Исаак И., Розенцвейг, Виктор Ю. (1964). Основы общего и машинного перевода. Москва: Высшая школа.

- Топоров, Владимир Н. (1993). О “резонантном” пространстве литературы (несколько замечаний). In: *Literary Tradition and Practice in Russian Culture*. V. Polukhina; J. Andrew, R. Reid (eds). Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 16-60.
- Топоров, Владимир Н. (1995). Петербург и “Петербургский текст русской литературы” (Введение в тему). In: Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Москва: Изд. группа “Прогресс”, “Культура”, 259-367.
- Тороп, Пеэтер (1995). Тотальный перевод. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
- Assmann, A. (1995). Was sind kulturelle Texte? In: *Literaturkanon — Medienereignis — Kultureller Text. Formen interkultureller Kommunikation und Übersetzung*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
- Barnstone, Willis (1994). Translation Theory with a Semiotic Slant. *Semiotica* 102 (1/2), 89–100.
- Bassnett, Susan (1993). *Comparative Literature. A Critical Introduction*. Oxford UK, Cambridge USA: Blackwell.
- Dass, Nirmal (1993). *Rebuilding Babel: The Translations of W. H. Auden*. Amsterdam, Atlanta: Rodopi.
- Delabastita, Dirk (1991). A False Opposition in Translation Studies: Theoretical versus/and Historical Approaches. *Target* 3(2).
- Delabastita, Dirk (1993). There’s a Double Tongue. An Investigation of Shakespeare’s wordplay, with special reference to “Hamlet”. Amsterdam, Atlanta: Rodopi.
- Doherty, M. (1997). “Acceptability” and Language-Specific Preference in the Distribution of Information. *Target* 9(1).
- Eco, Umberto (1992). *Interpretation and Overinterpretation: Umberto Eco with Richard Rorty, Jonathan Culler, Christine Brooke-Rose*. Cambridge a.o.: Cambridge University Press.
- Eco, Umberto; Nergaard, Siri (1998). *Semiotic Approaches*. — Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London, New York: Routledge.
- Even-Zohar, Itamar (1997). The Making of Culture Repertoire and the Role of Transfer. *Target* 9 (2), 355–363.
- Frank, Armin Paul (1995). Transatlantic Responses: Strategies in the Making of a New World Literature. In: *Literaturkanon — Medienereignis — Kultureller Text. Formen interkultureller Kommunikation und Übersetzung*. Hrsg. von A. Poltermann. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 211–231.
- Gorlée, Dinda L. (1993). *Semiotics and the Problem of Translation. With Special Reference to the Semiotics of Charles S. Peirce*. Alblasterdam: Offsetdrukkerij Kanters B.V.
- Halliday, M. A. K. (1984). Language as Code and Language as Behaviour: a Systemic-functional Interpretation of the Nature and Ontogenesis of Dialogue. In: *The Semiotics of Culture and Language*. Vol. 1. Language as Social Semiotic. R. P. Fawcett a.o. (eds). London, Dover N. H.: Frances Pinter (Publishers).

- Holmes, James S. (1988). Translation Theory, Translation Theories, Translation Studies, and the Translator. In: J. S. Holmes. *Translated! Papers on Literary Translation and Translation Studies*. Amsterdam: Rodopi.
- Holthuis, Susanne (1994). Intertextuality and Meaning Constitution. An Approach to the Comprehension of Intertextual Poetry. In: *Approaches to Poetry. Some Aspects of textuality and Intermediality*. J. S. Petöfi, T. Olivi (eds). Berlin, New York: Walter de Gruyter, 77–93.
- Kelkar, Ashok R. (1984). Prolegomena to an understanding of semiotics and culture. In: *The Semiotics of Culture and Language*. Vol. 2. *Language and other Semiotic Systems of Culture*. R. P. Fawcett a.o. (eds). London, Dover N. H.: Frances Pinter (Publishers), 101–134.
- Lane-Mercier, G. (1997). Translating the Untranslatable: The Translator's Aesthetic, Ideological and Political Responsibility. *Target* 9(1), 43–68.
- Nord, Christiane (1991). Text Analysis in Translation. Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. Amsterdam, Atlanta: Rodopi.
- Nord, Christiane (1995). Text-Functions in Translation: Titles and Headings as a Case in Point. *Target* 7(2), 261–284.
- Pym, Anthony (1992). The Relations Between Translation and Material Text Transfer. *Target* 4(2), 171–189.
- Reiss, Katharina; Vermeer, Hans J. (1991). *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie*. Tübingen: Niemeyer.
- Snell-Hornby, Mary (1988). *Translation Studies: An Integrated Approach*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Toporov, Vladimir N. (1992). Translation: Sub Specie of Culture. *Meta* XXXVII (1), 29–49.
- Toury, Gideon (1991). What are Descriptive Studies into Translation Likely to Yield apart from Isolated Descriptions? In: *Translation Studies. The State of Art*. K. M. van Leuven-Zwart, T. Naajikens (eds). Amsterdam, Atlanta: Rodopi.
- Toury, Gideon (1993). “Translation of Literary Texts” vs. “Literary Translation”: A Distinction Reconsidered. In: *Recent Trends in Empirical Translation Research*. S. Tirkkonen-Condit, J. Laffling (eds). Joensuu: Joensuun yliopisto, 10–24.
- Toury, Gideon (1995). *Descriptive Translation Studies and Beyond*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins.
- White, L. (1989). New Historicism: A Comment. In: *The New Historicism*. H. Aram Veeseer (ed). New York, London: Routledge.
- Wilss, Wolfram (1980). Semiotik und Übersetzungswissenschaft. In: *Semiotik und Übersetzen*. W. Wilss (Hrsg). Tübingen: Gunter Narr Verlag, 7–22.

The limits of translation: the socio-semiotic aspect of translation semiotics

Determining the concept of 'translation text' occupies a relevant position in the scientific interpretation of translation activity. Most of the translation theories avoid establishing the borders between translation and non-translation, because in the intertextual and intersemiotic space of present culture, the borders between any kind of texts are very vague.

From the point of view of translation studies, the ontological definition of a translation text proceeds from determining the concepts of 'original' and 'translation', as well as 'translation' and 'recipient culture'. In the first case, the borderline marker is a type of translation which constitutes a sign of the nature of the relationship between the translation and the original. In the second case, the borderline marker is the purpose of translation, the constructive dependence of translation on its supposable future function. Therefore, the definition of 'translation' in translation studies is mostly process-oriented.

The intrusion of semiotics into translation studies, and the interest of cultural semiotics in translation activities, have changed the attitude towards the nature of translation. On the one hand, the translation semiotics deals with contractual semiosis which observes the text in translation process not as a coherent, but a complementary whole. On the other hand, it deals with intersemiosis as the situation in which the differing/differentiating codes and sign systems of a translation influence each other, and isolated individual signs can simultaneously belong to several sign systems. The problem of the limits of translation arises in connection with the need to retain the possibility for integral cognition of texts even in such cultural spaces that consist of totally intermingled texts. Every translation book can create its own borderline system to guarantee the integral approach.

The present article displays the typology of the limits of translation, as well as the following disciplinary approaches to translation semiotics that emerge from it: translation of semiotics, process-oriented translation semiotics, complementary translation semiotics, social translation semiotics, radical translation semiotics. Distinguishing between these approaches in the translation semiotics, it is important to consider that their interpretation requires a socio-semiotic background.

Tõlkepiirid (tõlkesemiootika sotsiosemiotiline aspekt)

Tõlketegevuse teaduslikus mõtestamises on olulisel kohal tõlketeksti mõiste piiritlemine. Enamik tõlketeoriasid väldib piiri tõmbamist tõlke ja mittetõlke vahele, sest tänapäeva kultuuri intertekstuaalses ja intersemioosiselises ruumis on piirid igasuguste tekstide vahel väga haprad.

Tõlketeaduse poolt vaadatuna toimub tõlketeksti ontoloogiline piiritlemine originaali ja tõlke ning tõlke ja vastuvõtva kultuuri piiritlemise kaudu. Esimesel juhul on piiri tähistajaks tõlketüüp kui märk tõlke ja originaali vahekorra iseloomust. Teisel juhul on piiri märgistajaks tõlke eesmärk, tõlke konstruktiivne sõltuvus tema oletatavast tulevasest funktsioonist. Seega piiritleb tõlketeadus tõlget protsessikeskselt.

Semiootika tungimine tõlketeadusesse ja kultuurisemiootika huvi tõlketegevuse vastu on muutnud suhtumist tõlke olemusse. Ühelt poolt võib tõlkesemiootikas rääkida kokkuleppelisest semioosisest (contractual semiosis) kui teksti vaatlemisest tõlkeprotsessis mitte sidusa, vaid komplementaarne tervikuna. Teiselt poolt tuleb rääkida intersemioosisest kui olukorrast, milles tõlkes eristuvad/eristatavad koodid ja märgisüsteemid mõjustavad üksteist ning üksikud märgid osutuvad samaaegselt mitmesse süsteemi kuuluvaks. Tõlkepiiride probleem tõusebki päevakorda seoses vajadusega ka segunenud tekstidest koosnevas kultuuriruumis säilitada võimalus tekstide terviklikuks tajumiseks. Iga tõlkeramaat võib luua oma piiride süsteemi tervikliku lähenemise tagamiseks.

Artiklis on välja pakutud tõlkepiiride tüpologia ja sellest tulenevalt tõlkesemiootika distsiplinaarsed võimalused: semiootika tõlkimine, komplementaarne tõlkesemiootika, sotsiaalne tõlkesemiootika, tõlkeprotsessiline tõlkesemiootika, radikaalne tõlkesemiootika.

Tõlkesemiootika piiritlemise aluseks on sotsiosemiotiliselt interpreteeritava taustsüsteemi arvestamine.